

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses on black stems with green leaves. The roses are stylized with white outlines and are scattered across the white background.

Елена Ожич

Девчачьи нежности

12+

Елена Ожич
Девчачьи нежности

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ожич Е.

Девчачьи нежности / Е. Ожич — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Победитель конкурса детской и юношеской прозы ЛитРес: Самиздат - 2018.
Мама хочет быть твоею подружкой? Еще чего придумала! Она такая странная - все время рассказывает о своем детстве, задает вопросы, пытается все время что-нибудь выведать, лезет в твои дела. Да у нас общего только то, что мы живем с нею под одной крышей!!! Хотя... не такая уж она и странная, и детство у нее прикольное было, и между нами есть кое-что общее. Например, мы обе терпеть не можем все эти девчачьи нежности.

© Ожич Е., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Я. Как говорит моя мама	6
Она. Коньки	9
Я. Родительское собрание	11
Она. Фортепиано	14
Я. Когда мама и папа были детьми	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Ожич
Девчачьи нежности
Моим дочерям

klishina75@list.ru

Я. Как говорит моя мама

Вы бы слышали, какие вещи иногда говорит моя мама! Нет, конечно, чувство юмора и все такое, но я не могу представить, что какая-нибудь другая мама, мама моей одноклассницы могла так сказать. Мамы, они как-то серьезнее должны быть, что ли.

Ну, например. Моя младшая сестра не любит ходить в садик, и поэтому по утрам орет в прихожей. Что ж, я ее понимаю. Я и сама бы орала в прихожей, когда собираюсь в школу. Но я не могу... Возраст уже не тот. Какое счастье, говорит мама, что хотя бы у одной нашей дочери есть тормоза. Это про меня она, да.

И вот Котья, как мы называем нашу мелкую, опять орет в прихожей. Что-то про взорвать садик. Или разрушить. Или разобрать. Но что-то явно деструктивное. И мама тут как брякнет:

– Отличная идея, Котья! Пойдем скорее детский садик разрушать!

Котья сразу умолкла, а мама продолжает:

– Давно пора с этим садиком разобраться, столько из-за него переживаний. Представь, Котья, что ты шпионка, и у тебя специальное, суперсекретное задание – разобрать по частям детский садик. А чтобы про твоё шпионское задание никто не догадался, предлагаю следующий план. Дадут тебе чистую бумагу – разрисуй ее всю в клочья! Выдадут вдруг пластилин – лепи так, чтоб живого места на нем не осталось! Каши полную тарелку пододвинут – уничтожай, не раздумывая! Знаешь, сколько там ее, этой каши, в детском саду-то – просто горы невероятные! Мыло дадут – мыль тщательнее, чтоб все смылилось. Только так мы с тобой садик-то и разберем, и раскатаем по бревнышку...

Пока мама все это говорила, Котья ошарашенно молчала и смиренно позволяла себя одевать и обувать. Вечером, придя из детского садика, Котья с видом шпиона на секретном задании доложила, что а) кашу съела, б) мыло мылила изо всех сил, в) даже песок из песочницы (два ведерка) высыпала.

Или как моя мама умеет отвадить Котью. Иногда мама работает дома, и Котья лезет к ее компьютеру в самый неподходящий момент. Я в таких случаях Котью просто отодвигаю, иногда ногой. Нормальная, обычная мама что скажет? Брысь, отстань, уйди отсюда. А наша?

– Ну, Котья, – говорит она, – иди-ка сюда, я сейчас тебя буду обнимать, целовать и жамкать.

И руки так протягивает, будто бы с хищным видом. И Котью сдувает, как ветром. С криками «Не надо меня жамкать!» вреднющая Котья убегает. Класс. Возьму на заметку.

Или вот еще пример того, как со мной мама разговаривает. Как-то просит меня:

– Котья (да, иногда Котькой называют и меня тоже), помой посуду!

Ну, а я что. Я подросток, мне положено огрызаться. И я дерзко отвечаю (сама в шоке от своей смелости):

– Может быть, тебе еще и мусор вынести, и мир спасти?

Я-то думала, что мама скажет, что-нибудь обыкновенное, вроде «Да как ты с матерью разговариваешь!» или «Тебе не стыдно вообще?» А она:

– Мусор я уже вынесла. Пару подвигов по спасению мира уже совершила. Если мир подаст сегодня еще сигналы о помощи, так и быть, твоя очередь его спасать. Так что – пока только посуду.

Ммм. Тебе не стыдно вообще, мама? Ты издеваешься? Разве так с детьми разговаривают? Шарахни, что ли, кулаком по столу. Я обижусь, закроюсь в комнате, ну, а ты еще пару часиков повозмущаешься – мол, вырастили тунянку... Так бы славненько попрепирались бы. А теперь только и остается, что идти и мыть посуду.

Или вот еще был случай. Я учусь в седьмом классе, и вроде бы читать «Онегина» мне еще по возрасту не положено. Но что-то я повелась на мамину провокацию, старею, наверное, теряю легкую юношескую борзость.

Так вот, мама и говорит:

– Котька, давай приколемся!

Как-то сразу сбило меня это слово, «приколемся». Не мамино это слово, а мое и моего поколения, чего она.

– Давай, – говорим мама, – над вашей Верой Борисовной приколемся.

Вера Борисовна – это наша учительница по русскому языку. Над ней прикалываться – себе дороже. Она наших прежних-то заслуг не признает, а уж шуток и вовсе не понимает.

– Давай, – продолжает мама, – ты «Онегина» прочитаешь, вот она удивится-то! Как скажешь ей: «Мой дядя самых честных правил», так все, у нее минут на пять будет легкий ступор.

– А прикол-то в чем? – спрашиваю я.

– Эх ты, – смеется мама, – «Евгения Онегина» в девятом классе проходят. А ты только в седьмом!

А чего, думаю я, дело. Неожиданность – наш конек. И пошла читать «Онегина», а там-то про любовь! Очень интересная книжка, хоть и в стихах. До двенадцати ночи не могла оторваться. Жду теперь случая подходящего, чтобы Вере зацитировать письмо Татьяны – люблю людей шокировать. Вот еще челку в синий покрашу и вперед, «вообрази, я здесь одна, меня никто не понимает, рассудок мой изнемогает, и молча гибнуть я должна...». Маме, кстати, иногда тоже можно что-нибудь такое вернуть. Короче, Пушкин – вееещь. Надо у него еще порыться, каких-нибудь таких улетных фразочек поискать.

Или вот еще история, тоже про Веру Борисовну.

Мама как-то говорит:

– Хочешь «пятерку» по русскому за просто так получить?

Кто же не хочет, лишняя «пятерка» еще никому не помешала.

А мама продолжает:

– Задаст вам Вера Борисовна очередное правило по русскому, а ты как бы невзначай скажи: «Хорошо, посмотрю у Розенталя». Только сперва, чур, посмотреть, что за Розенталь, вон на полочке стоит.

Ну, я и посмотрела – учебник и учебник. Имя у Розенталя еще прикольное такое – Дитмар Эльяшевич. И правда, правила все есть. Смотришь оглавление – и оп, сразу нужное правило, почти как в интернете.

И на уроке так и сделала.

Вера Борисовна очень удивилась и говорит:

– У тебя дома Розенталь есть?

Я говорю:

– Ну да, – мол, у кого же в доме нет Розенталя, что за вопрос.

Вера Борисовна тогда говорит:

– И ты знаешь, кто такой Розенталь?

– Ну, кто-кто, – говорю, – этот... филолог, наверное. У нас даже два Розенталя есть, второе издание и восемнадцатое.

– Второе? – как-то странно заблестели глаза у Веры Борисовны. – Второе-то у вас откуда?

– Да так, – говорю, – мама на помойке какой-то нашла.

Это я, конечно, так зря выразилась. Просто мама сама сказала, что второе издание Розенталя как с помойки, хотя она его на полке буккроссинга в книжном магазине выискала.

– Как книжка-то называется? – строго спросила Вера Борисовна.

Все-таки мамка моя – голова, не зря предупредила, чтобы я книжку сперва на полке посмотрела.

– «Справочник по правописанию и литературной правке». А что?

– Ничего, – сказала Вера Борисовна. – Иди.

Эй, а «пять» поставить?

Блин. Не сработало. Но троллинг зачетный, Вера как-то добрее стала, что ли.

Она. Коньки

Что чувствует человек, которому далеко за тридцать и который покупает себе – первые в жизни – собственные – настоящие – фигурные коньки?

А я вам скажу.

Он чувствует, что одна его детская – небольшая – скромная такая – мечта сбылась. И от этого очень ему радостно. Потому что много своих скромных детских мечт он уже давно схоронил, а вот эту спас.

В моем детстве все коньки были с чужой ноги. Первые достались мне от одного из двоюродных братьев. Не помню, от кого именно перешли мне эти коричневые облезлые «дутьши» мальчицкого хоккейного фасона. Может быть, это были Женькины коньки? Однажды на хоккее он получил шайбой по зубам, и на челюсти ему наложили резиновые скобки. Он ел жидкую манную кашу через трубочку для коктейля, это я хорошо помню.

А может, это были коньки всех братьев сразу? Наверняка они носили их по очереди после Женьки, самого старшего. Мне, конечно, больше хотелось белые «фигурки» с высоким ботинком, а не коричневые короткие «дутьши», но их мне никто не отдавал. К тому же, я привыкла донашивать после братьев их вещи. Иногда доставалось и что-нибудь хорошее – джинсы, например, или «ковбойки». Или немаркие болоньевые куртки, в которых было можно лазить по гаражам и заборам. Их было не жалко маме, потому что мама особенно трепетала только по поводу тех вещей, которые были новые и «на выход».

Свои первые шаги в фигурном катании мы делали не на льду, а на укатанном снегу – на дороге во дворе. Машин тогда было мало, и мы никому не мешали, и нам никто не мешал. На снегу было видно, кто как сделал вираж вперед и вираж назад. Особенно красивые выходили следы от разворота. И очень легко получалось ходить на зубцах.

Когда мама впервые привезла нас с сестрой на каток «Динамо», лед удивил нас – на нем устоять было труднее, нежели на укатанной машинами дороге. Но мы уже получили прививку равновесия и поэтому шишек набили немного.

Самую свою большую шишку я заработала на нашей горке. Я решила съехать по ледяному склону, стоя на ногах и спиной вперед. Смертельный был номер, потому что в конце спуска я упала лицом вниз. Из носа пошла кровь, а на лбу – не спасла даже толстая цигейковая шапка – моментально вырос рог, который в течение двух недель менял свою окраску: от чернильно-фиолетового до лимонно-зеленого. А потом синяк сполз, и под глазами залегли загадочные тени.

Вторые мои коньки были вожделенные белые «фигурки». Но у них отломилась несколько крючков, с ботинок облезла краска, и они казались сшитыми из кожи старого и больного мелкопятнистого жирафа. Можно было бы покрасить их белой краской, которая осталась после покраски окон, но мама сказала: «Это же чужая вещь! Дали только покататься, а потом вернуть!» Впрочем, на ботинках еще была видна золотистая эмблема из пяти олимпийских колец, и ими тоже можно было изредка хвастаться.

Эти коньки дала поносить мамина подруга тетя Юля. «Фигурки», скорее всего, укатали две ее дочери. Но Олю и Наташу было за что простить – их папа работал в Центральном парке карусельщиком на аттракционе «Колокольчик». И нас с сестрой он всегда пускал кататься бесплатно. Сколько хочешь. Пока тошнить не начнет.

Вот с этими «жирафами» мама возила нас на «Динамо» каждые выходные. У нас были дырчатые, вязаные крючком сумки, из которых лезвия торчали в разные стороны. «Мамаша!!! – вопили на нее тетки в троллейбусах. – За детьми смотрите! Все ноги поистыкали!!!»

Как трогательны были те девчонки, которые в толстых шапках на резинке, в клетчатых пальто на толстом ватине и сползающих коричневых гамашах, выкатывались на динамовскую ледовую дорожку и мечтали стать звездами фигурного катания. Я не помню, сколько стоил билет на каток – может быть, рубль, может быть, пятьдесят копеек. Я не знаю, были ли в то время коньки в магазине «Старт» в продаже, или надо было искать их родителям – простым рабочим завода, используя свои скромные «связи», и покупать где-то с рук в эпоху всеобщего дефицита. Но я хотела свои коньки всегда...

...а купили мне лыжи. Для школы. Новешенькие, с жесткими креплениями, с пахнущими дегтем кожаными ботинками.

Нет, лыжи сами по себе – может, и ничего. Но зимние уроки физ-ры были по-настоящему обидной повинностью – из-за одного только обстоятельства. Дважды в неделю нужно было тащить на себе в школу целый ворох: мешок со спортивной одеждой, лыжи с палками и ботинками и портфель со всей школьной дребеденью. Демисезонные болоньевые круточки, в которых мы катались, простреливались едким сибирским хиусом насквозь. Мы пытались схитрить – надеть под школьное платье свитер и штаны с начесом, прийти в школу по двадцатиградусному морозу в лыжных ботинках на тонкой кожаной подошве. Но в начесе было жарко и неудобно, а ботинки со школьным платьем смотрелись «не эстетично», говорила завуч и отправляла нас переодеваться. Мы, конечно, из вредности никуда переодеваться не шли. А после урока физкультуры, как назло, нужно было еще отсидеть пару алгебры в этом намокшем от праведных трудов на лыжне начесе. По дороге к школе веревочки обязательно развязывались, и лыжный «боекомплект» рассыпался. Хотелось выть волком на утренние морозные звезды, собирая все эти палко-лыжи заочневшими пальцами в кучу, и неотвратимой карой маячила запись в дневнике за опоздание на первый урок.

В третьем классе наш физрук Барбарисыч сжалился над девочками, разрешив вместо лыж коньки. И одну зиму мы носили в сумке для сменки свои подержанные «белоснежки», которые глухо стучали там лезвием о лезвие. Это были самые прекрасные уроки физкультуры, почти балет!

Следующие мои коньки были ничем не примечательны. Они были почти новые. Но они тоже были чужие, и их тоже следовало передать по наследству младшим родственникам, когда вырастет нога.

А нога все росла и росла, и у чужих людей уже не находилось для нее подходящего фигурного ботинка. Я ездила на динамовский каток со свидетельством о рождении в зеленой корочке и брала заветные ботинки напрокат. С разбитыми носами, дырявыми пятками и мокрыми оборванными шнурками – такие «фигурки» никак не тешили меня. Ноги в них коченели и подворачивались, и катку на стадионе «Динамо» пришлось сказать «прощай».

А мечта о своих, теплых, удобных коньках, в которых никто не ежился, осталась. Нога наконец-то остановила свой рост, коньки давно уже не в дефиците, и даже семейный бюджет легко бы зализал нанесенные их покупкой раны. И мама не скажет, что это ужас как дорого. Мы просто не скажем ей, что купили их. Нам почти сорок, если что. Чего ж ты ждешь, девочка в пальто на ватине?

И вот я стою в магазине среди спортивного инвентаря и изо всех сил решаюсь на растрату. Топаю точеными лезвиями в резиновый коврик и пытаюсь собрать в голове сто аргументов в пользу покупки пижонистой пары с белой опушкой и рисунками. Дороговато, черт.

Но один аргумент кажется мне особенно убедительным. В конце концов, у меня дочь подрастает. И ей перейдут по наследству расписные конечки на волшебном скользящем ходу – не с чужой причем ноги, а с родной. Вот увидишь, я буду с ними бережно, и к твоему 38-му размеру они будут как новые.

Я. Родительское собрание

Мне всегда хотелось узнать, о чем говорит наша классная с родителями на родительском собрании. Не хочется, знаете ли, каких либо неожиданностей: придешь такая домой, а тебе – ну-ка, отвечай за все свои прегрешения, а ты и знать не знаешь, за какие именно.

И вот однажды я решила не идти после второй смены домой, а постоять под дверью и послушать, что говорят на собрании. Если застукают, скажу, что жду маму, да и все. Подслушивать нехорошо, знаю-знаю, но я же по делу, в целях, так сказать, личной безопасности.

Сначала классная говорила про нашу успеваемость, потом про поведение – про весь класс оптом. Потом перешла на личности. Накапала на Фомина, что он в столовую не ходит. Потом на Бакина, что он дрался. Потом на Белокосову, что опаздывает. Потом про меня, что на переменах я хожу, уткнувшись носом в телефон. И что все так ходят. Ну, я уже привыкла, мне всегда за телефон достается.

Мама обычно кричит:

– Вот что ты там делаешь? Ты знаешь, что интернет – это очень полезная штука, не только шарики и ролики там во всяких игрушках гонять. Вот у меня в интернете стоицот (она прямо так и говорит, чесслово!) важных дел: я письма там пишу, книжки читаю, работу работаю, заказы получаю, учусь чему-нибудь, новости узнаю, погоду, рецепты. Да у меня полжизни там проходит, а у тебя что?

Зануда ты, мамка. Так и у меня ведь там полжизни проходит. Жизни у нас разные, поэтому они проходят у нас по-разному: кто-то работу работает, а кому-то и в игрушки поиграть надо. «Голодные игры» я там смотрю, бе. И Миядзаки. И сайты про рисовашки всякие.

А собрание дальше идет своим ходом. Деньги какие-то на ремонт родители решили собрать. Стали придумывать, куда нас на каникулы сводить (никуда не водите, дайте на диване полежать спокойно, у меня два репетитора, тренировки, куча домашки, бытовые обязанности и присмотр за Котькой. Было еще время, когда я в музыкалке занималась, но отвалилось, аллилуйя. Нашла я в себе силы сказать «нет» гаммам и этюдкам. Родители сказали что-то про проявление характера и отстали).

И тут зашла речь про пятидневку: надо нам шесть дней в неделю учиться, или не надо.

Все родители кричат:

– Надо! Надо! Меньше по улицам болтаться и сидеть в своем интернете будут!

А моя мамулька своим девчачьим (она еще картавит у меня) голосочком говорит:

– Пусть будет пять дней по восемь уроков!

Вот коза, а?

– А шестой день пусть занимаются творческой работой и самообразованием. У них вон какие нагрузки: если сложить часы в школе, домашние задания, кружки и репетиторов, то получается полноценный восьмичасовой рабочий день взрослого человека. А у нас с вами, между прочим, по два выходных в неделю. А у них – только один.

Нет, не коза, лапулька моя. Даешь равные права детей и родителей! Всем по два выходных!

И все родители как-то притихли, стыдно им стало, что ли?

Тут собрание с темы пятидневки съехало опять на тему поведения. Не все, оказывается, граждане нашего класса приходят после уроков домой вовремя – болтаются где-то часа по четыре. Ну, где тут у нас на районе четыре часа после шести уроков болтаться можно, я не знаю. Но где часок-другой провести интересно, догадываюсь. В столовке нашей школьной. Приходят туда некоторые (не я, у меня репетитор то по математике, то по английскому) и пьют чай с плюшками.

Родители – снова в бой:

– Да как же это? Да что же это? Что за безобразие, улюлюлю!

И мама моя тут снова встречается:

– Но они же там ничего плохого не делают?

– Да нет, – отвечает классная, – не делают. Сидят и культурно общаются.

– Без телефонов? – спрашивает мама.

– Удивительно, но да, – отвечает классная.

– Так это же прекрасно! – говорит моя мамулька. – Сидят, общаются, культурно, без телефонов, в стенах школы... Не в подворотне же стоят с сигаретами.

Мам, чо как маленькая, некоторые уже стоят. Не, не я. Я ж спортсменка.

А родители:

– Так по два часа ведь сидят!!!

Маман-шарман не понимает:

– А вы попробуйте с ребенком договориться: час или полтора тебе на посиделки в столовой, а потом сразу домой. Договор ведь великая сила.

Это да. Что великая, это я на своей шкуре хорошо знаю. Хоть тресни, а сделай. Но зато потом к тебе никаких претензий. Очень удобно. Я бы еще на бумаге фиксировала и скрепляла кровью. А то мама заключит пакт на словах, а сама же потом про него забудет. А я ей – раз! – достаю договор с подписями и печатями: я хорошие оценки за четверть принесла? Принесла! Где моя поездка с классом в Белокуруху?

Короче, я поняла, что после этого собрания опасаться мне нечего, и решила уйти пораньше – немного постоять в подворотне, подышать свежим воздухом, столовка-то уже закрыта. Подворотня – это угол школы по-нашему. Там и не покуришь как следует, все на виду, люди идут по дорожкам. Но некоторые умудряются.

– Тебе, Бакин, – сказала я стоявшему там Бакину, – влетит за драку на прошлой неделе. Тебе, Фомин, за то, что в столовке не питаешься. А я домой пошла, мне сегодня бояться нечего.

Но напрасно я расслабилась.

Приходит домой мама и говорит:

– Если тебе захочется после уроков чаю попить с плюшками в столовой, то я не буду против. Только предупреди.

– Угу, – киваю я, глядя в телефон.

– Ты в столовую-то вообще ходишь со всеми? А то некоторые не ходят.

– Угу, – снова киваю я.

– И мы тут еще решили, – говорит вдруг мама, – что совершенно необходимо нашему классу группу «ВКонтакте» создать. И писать там разные полезные вещи.

Што?

– Кто администратором будет? – спрашиваю я с нехорошими предчувствиями.

– Я, – скромно сообщает мама.

Черт. Черт. Черт. Это черт знает что такое! Кто вообще в эту группу вступит? В которой чья-то мама администратор. О чем там вообще писать можно? А в меня пальцами будут тыкать: смотрите, у нее мама – администратор группы «ВКонтакте», в игнор ее, в черный список, и группу их туда же!

Но вы знаете, как-то у нее это прокатило: почти все наши добавились, двое даже в модераторы попросились: одна – про моду писать, другой – про музыку. Президент нашего класса там важные объявления делает: нарежьте снежинок, нарисуйте стенгазету. Летом мама стишки всякие постила из списка Веры Борисовны для внеклассного чтения. «Кто прочитал – ставьте лайк! Посмотрим, сколько нас». И наши ведь читали, и лайки ставили! Просто удивительно даже.

Больше всего, конечно, мне доставалось.

– Зайди «ВКонтакте», – кричит мама с кухни, – я там Бунина выложила! А он, между прочим, нобелевский лауреат! И лайк не забудь поставить!

А вы говорите, «выпрашивать лайки в интернете». Да что вы знаете об этом...

Она. Фортепиано

Два года в музыкалке, и все зря. Ну, решил так человек, что ж поделывать. Нет так нет. Мы и сами видели, как интерес к музыке упал до нуля: все сложнее было ее усадить к инструменту. Но я не хочу в старости вот этого: «Я, может, бить чечетку хотела, а вы меня – на фортепиано...» Хотя и с танцами тоже не сложилось. И с пением. И с научными экспериментами. Мы, точнее, она, все попробовали. Давали возможность выбрать. А, может, не надо было? А надо было жестко: ходи, пока диплом не принесешь. Короче, «какую бы вы стратегию не выбрали, вашим детям все равно будет что рассказать психотерапевту».

Но про музыкалку приятно вспомнить. Докотькинская эпоха. Одни «пятерки», концерты, экзамены, мы с бабушкой в зале сидим гордые... Стоп, это всего лишь наше тщеславие, а жизнь-то – её.

Вот как это было.

Нет, я не в восторге. Я совсем не в восторге от того, что у меня дома появилось пианино. Лет двадцать эдак пять назад я очень бы этого хотела. Но теперь – не очень. Воспринимаю как данность. Ну, видать, звезды так взошли, чтобы в большой комнате встало старое, расстроенное пианино.

Мы его настроим. Мы ноты уже на него положили – достались как приданое к пианино. Нам грузчики, пианино на восьмой этаж поднявшие, посоветовали внутрь банку с водой поставить. Мы поставили. Теперь настройщика ждем. Морально готовимся к гаммам и разным пассажирам.

А в нотах – песенки всякие, Шаинский, Пахмутова-Добронравов, пропа-а-ла собака-а, и тому подобное. И даже самоучитель есть – Мохеля и Зиминной, 1960 года, Музгиз. Есть в нем ария индийского гостя из оперы «Садко» и контрданс-экосез. Мохель и Зимина, вы вообще уверены, что это можно самостоятельно выучить? Не одно поколение, говорите, выросло, выучилось, и никто-никто таких вопросов не задавал?

И вот буду я читать самоучитель и пальцем так в клавиши тыкать – где тут у вас «до» второй октавы? Чего, вы там говорите, бемоль у вас делает? Страшно интересно, смогу ли я – человек, никогда в тесных связях с музыкой не замеченный, что-то в этих октавах и бемолях понять? Ну, не так, чтобы фугу Баха по памяти играть, а так, чтобы песенку какую-нибудь детскую разучить, всего-навсего ради интереса. И вообще, есть ли слух у меня, тоже очень интересно проверить.

А пока на пианино у меня только легкая досада. Во-первых, вон сколько места сразу заняло. Мне и так кажется, что квартира с каждой минутой хламом прирастает, а тут сразу – здравствуйте! – приросло целым пианино. Интерьер опять же портит – у него фасад выщерблен и вообще совсем не в тон обстановки. Гостевые дети теперь все на нем блямкать будут без усталости. А для меня вообще-то лучшая музыка – это тишина.

На грузчиков потратились, а могли бы в кино сходить. Короче, пока одни только претензии к новому предмету мебели.

Нам его соседи на время дали, пока наш ребенок к музыке интерес имеет. Как интерес пропадет, просят вернуть. Раз дали, пусть тогда потом на блямканье и гаммы эти бесконечные не жалуются.

Я тоже, может быть, в детстве интерес к музыке имела. Только моим родителям пианино никто отдать не стремился. Хотя у многих было. У Аллы Иосифовны из 26-ой было, у Барашковых было, у Аблиповых было.

Мне вообще тогда казалось, что учиться в музыкальной школе – это зашибись как здорово. В школе субботники, генеральная уборка класса, заклейка окон на зиму, классный час или еще чего, а нашим музыкантам так сразу в музыкалку надо. Правда, потом отдувались

на всяких школьных концертах. Из нашего класса в музыкалку ходили Аблипова, Фогнер и Заборов. Аблипова – на ф-но, Заборов – на баян, а Фогнер – на гитару. Многие, конечно, со временем с музыкой завязали. Кроме Фогнера, он теперь в Германии живет и там, наверное, известный музыкант. И еще Маргариты Барашковой, она, когда выросла, музработником в детском саду работала.

Маргарита Барашкова была моей соседкой и училась в музыкальной школе. Когда нам было лет семь или восемь, я пришла к Маргарите и сказала:

– Давай играть в музыкальную школу. И ты меня учить будешь, а то меня родители в музыкальную школу не отдадут.

Пианино у Барашковых было черное, с желтыми клавишами, наверняка старинное. И оно было бабушкино.

Маргарита показала мне, как играть одним пальцем «Как под горкой, под горой торговал старик золой...» Все просто, фигня какая. Вот смотри, сначала вот эту жмешь, а потом эту... Да что ж ты за бестолочь такая, раздражалась кудрявая Маргарита. Ну, смотри еще раз. Да не сюда, а вот сюда жми. А сюда два раза. Ну, поняла? Ничего я не поняла и снова нажала не ту клавишу. Как с тобой трудно, вздыхала Маргарита. Она взяла красный фломастер и нарисовала на желтых старинных бабушкиных клавишах цифры – один-два-три, в какой последовательности их нужно нажимать. Я сыграла эту «как под горку» без сучка и задоринки. Молодец, похвалила меня Маргарита, завтра будем учить «У дороги чибис». А теперь помоем клавиши.

И она принесла мокрую тряпочку. Мы начали тереть клавиши, а клавиши стали бляеть и гудеть под нашими руками. На пожелтевшем лаке оставались бледные розовые циферки. Надо с мылом, решила Маргарита и пошла в ванную мылить тряпку. Но мыло циферки не оттерло. Надо одеколоном, решила Маргарита и принесла дедушкин «Шипр». Запах «Шипра» ел глаза, но и одеколон не оттер еле видные циферки. Может, ацетоном, спросила я. Лучше не надо, в панике прошептала Маргарита. Что сказала про «оцифрованное» пианино бабушка, я не знаю. Но назавтра учить «Чибиса» я к Барашковым не пошла...

Наташа Аблипова, когда я ее попросила, тоже взялась меня учить музыке. Это было классе в шестом или пятом. Она уже умела играть самое начало «Лунной сонаты», а потом сбивалась. А «К Элизе» уже не сбивалась. Вот «К Элизе» давай и выучим, сказала Наташа. Я еще подумала, странное название какое – Кылизе. А потом в нотах увидела, что «К Элизе». И она показала вот это: па-па-па-па, па-ра-ра-рам, па-ра-ра-рам, па-ра-ра-рам... Ну, в общем-то, ничего сложного. Сначала вот сюда, а потом вот так и вот так. И у меня даже получалось вот это «па-па-па-па». А потом нам надоело. И я решила, что неспособна к музыке.

А потом я вдруг, сама того не ожидая, стала учиться играть на гитаре. Я уже перешла в другую школу, и у одной нашей одноклассницы брат играл в рок-группе. И она сама тоже умела играть на гитаре. А все вокруг, куда ни плюнь, или уже умели, или учились играть на гитаре. Ну, почти все. В десятом-то классе. Ну, как умели? Кто-то и вправду умел, а кто-то только думал, что умел. Но моя-то одноклассница еще немножко умела играть на скрипке. А скрипка – это ого-го-го, это буквально высшая математика в музыке!

Однажды в декабре моя мама пошла в гастроном за продуктами, а принесла оттуда в бумажной обертке гитару. Мама, наверное, и сама не поняла, как это вообще у нее получилось. Гитара, занесенная с мороза, подернулась легким таким туманом на деке, была гулкой, с гудящими струнами, вся такая ах, вкусно пахнущая новым, неожиданным, но оказавшимся таким желанным, приобретением... Деревяшка, купленная в магазине культтоваров, который находился в одном здании с гастрономом.

Озябшая гитара осталась дома отогреться, а я сразу побежала к Наташе, у которой брат играл в рок-группе. Учи меня, выпалила я, едва успев выпрыгнуть из валенок в прихожей. Наташа нарисовала на листке линеечки, а на них кружочки. Это аккорды, сказала Наташа. Этот звучит вот так, а этот – вот так. Пробуй. Я поставила пальцы на струны, как мне нарисовала

Наташа. Но ни тот, ни другой аккорд, как им следовало, не зазвучали. Надо прижать сильнее. Я прижала сильнее. Но снова получилось только дребезжащее блямканье. Еще сильнее, сказала Наташа. А теперь переставь вот этот палец вот сюда. Но палец не переставлялся. И Наташа стала разгибать мои окаменевшие пальцы. Боем не получается, сказала я, может, перебором? Через десять минут мы обе устали и пошли плести феньки из бисера.

Дома я еще пыталась что-то изобразить на гитаре из тех трех аккордов, но на подушечках пальцев струны оставляли глубокие больные борозды. Мне сказали, что скоро на пальцах должны появиться мозоли. Но они что-то не появлялись. Без мозолей и музыка не шла, какая может быть музыка без мозолей? Гитару вскоре отправили за шкаф, и мир музыки закрыл для меня свои двери.

И вот, когда, казалось бы, не будет уже музыке места в моей жизни, я обзавелась пианино. Моя мама, надо сказать, в детстве не угнетала меня воспитанием. У нас был заключен пакт: я хожу в любые, какие хочу, кружки, а мама не выслушивает на родительских собраниях про то, что ее дочь болтается по улице. И я ходила, куда считала нужным и сколько считала нужным – то на байдарку, то на хореографию, то в кружок кройки и шитья, эх меня мотало. Мама спросит: «Ну, как там дела, на шитье-то?» Какое шитье, мам, я уже месяц танцую и ногу на станок закидываю. Такая, видимо, была у меня беспокойная и всежаждущая натура. Дольше всего я задержалась только в кружке по изучению языка эсперанто – на целых два года.

И вот с внучкой мама решила наверстать упущенное. В шесть внучкиных лет она отвела ее на танцы. В семь лет разглядела в ней певческий талант. А почти в восемь решила дополнить его музыкальным образованием. И пианино тоже она нашла, и грузчиков, и настройщика. А вдруг, чешется мое материнское тщеславие, ступает сейчас мое дитя и на путь большой, настоящей музыки? Но мы-то нет, мы не будем, если вдруг дитя заартачится, привязывать его к инструменту, что вы, упаси Господи. И бабушке не позволим.

И вот хожу я мимо, стираю пыль с крышки и поглядываю на Мохеля и Зимину. А что? А, может, и вспомню еще, как вот это па-па-па, самое начало «К Элизе» играть. А пока пойдем-ка, доченька, сыграй мне «Та-та, два кога, черный кот в чула-а-ане, все усы в смета-а-ане»...

Я. Когда мама и папа были детьми

Как часто я это слышу: «Мы в твоём возрасте то, мы в твоём возрасте сё...» И учились-то они хорошо, и в пять кружков ходили, и по хозяйству шуршать успевали. Ну-ну. А жили-то вы когда, дорогие мои родители? Ну там, тусовались, в киношки ходили, в кафешки – когда вот это все у вас было? В общем, не слишком-то и завирайтесь. Стоило мне только втереться в доверие к обеим бабушкам, да порасспросить их про вас, так тут же и выяснилось, что были вы нормальными такими детьми. Я даже удивляюсь, как некоторые ваши делишки вам вообще с рук сходили. Начнем с папы.

* * *

Папу до пяти лет воспитывали по японской системе: ребенок – это маленький император, и все такое, любите и поклоняйтесь. Даже когда папа прыгал с холодильника, его не ругали. И даже когда он выстрелил утиной дробью в какого-то дядьку из охотничьего ружья: он злоумышленник был, зашел во двор и пнул собаку, а папка был дома один, вот и решил заступиться за Пальму. Вот чувак был, горжусь прямо им. Но его из-за этого даже в первый класс не хотели брать: очень уж непредсказуемый тип. Но дедушка как-то директора школы уговорил. И папа, в общем, не подвел. Он быстренько записался во все кружки: какое-то там конструирование, моделирование и мотокросс, и вся его атомная энергия ушла в мирное русло. Короче, про пять кружков – это правда. Но прыгать с холодильника? Это сильно даже для меня. На это еще даже наша Котька, а ей все прощают, не отважилась.

* * *

Теперь про маму. Мама в детстве была не так крута, как папа. Совсем печаль. Когда мама была маленькой, она зашла в большую лужу и стала на самую середину. Лужа была глиняная, и сапоги присосались (азаза, вот умора), прилипли, то есть. И так стояла мама посреди лужи, даже ногу поднять не могла. И стояла бы так до самого вечера, если бы ее не увидела соседка. Она взяла маму под мышку, достала ее из сапог, перенесла через лужу и усадила на лавочку, а потом отодрала от глины резиновые сапоги. Так себе случай, если честно.

* * *

Когда мама училась в четвертом классе, она ушла в поход. Вообще-то в поход собирался весь класс вместе с классным руководителем, но пошли только мама и еще две девочки. Они встретились возле школы и увидели, что больше никого нет, но поход решили не отменять – не пропадать же бутербродам и чаю в термосе? И они втроем пошли в лес, а путь в лес пролегал через кладбище... у-у-у. Страшно? Нет, им было не страшно. Самое страшное началось, когда они вернулись, и их встретили родители! Мама говорит, что я расту, не зная слов «ремень» и «угол». Мама, судя по всему, знала эти слова очень даже хорошо.

* * *

Когда мама была маленькой, ее отправили в булочную за хлебом. И она пришла домой только через три часа, потому что вместе с этой несчастной булкой каталась на горке. Маму выдала оледеневшая булка. В других историях про маму и продукты присутствуют разлитый

по дороге бидон молока, обкусанный опять-таки хлеб и наполовину выпитый квас. И что? Я вон однажды ногой в торт наступила, и ничего, не расстроилась. Случайно вышло: принесла торт из магазина, поставила его на пол и стала разуваться. Ну, и как-то так вышло, что моя нога опустилась на крышку торта. А торт, между прочим, мой был, на день рождения мне же и предназначался. «Ты какой-то человек-камень, – сказала тогда мама. – Я бы в твоём возрасте расплакалась». Тоже мне проблема, пошла бы да новый купила...

* * *

Когда папа был маленьким, он не давал своей сестре встречаться с парнями. Ему было очень интересно, что у них на свиданиях происходит! Если бы у меня был такой брат, уж он бы огребся. Но у меня есть Котька, и чувствую, что в этом смысле она будет стоять двух братьев сразу.

* * *

Когда мама была маленькой, она упустила двух волнистых попугайчиков, которые летом жили в клетке на балконе, потеряла кошку, а хомяки у нее вообще умерли! Пусть не говорит тогда, что я о своей черепахе плохо забочусь!

* * *

Когда папа был маленький, он подарил свою цигейковую шубу одному соседскому мальчику. Семья мальчика жила очень скромно, и вот когда соседский мальчик за солью пришел, папа ему шубу – раз! – и отдал. Его родители поворчали, но ругать не стали – шуба-то старая была, да к тому же моему папе маловата. Ну, и как-никак, это ж доброе дело, а за добрые дела и ругать как-то неловко. Отличный был чувак, говорю же вам.

* * *

Когда мама была школьницей, в школе на уроках труда она училась шить прямую юбку, а припуски на швы нарисовать забыла. Юбка вышла такой узкой-преузкой, что мама в нее еле втиснулась и пошла на школьный показ мод в честь праздника Восьмое марта. И юбка порвалась прямо на сцене – все слышали, как она по шву затрещала! А говорила, что по труду всегда у нее «пятерка» была. «Шить надо уметь, шить надо уметь...» – вот что я слышу, когда мама заставляет распороть кривые швы на фартуке. Так и хочется вернуть ввернуть что-нибудь про эту ее дыркоюбку...

* * *

Когда мой папа был маленьким, ему было негде купаться. Ну, то есть, в городе, где он жил, была всего одна речка, да и то очень мелкая. Папа в ней, конечно, купался, но как-то без удовольствия. Он надевал маску для ныряния и полз на животе по дну, а ж..., ну то есть это самое в купальных плавках, в это время над водой была видна. И папа решил эту речку углубить. Он сделал самодельную бомбочку и взорвал реку. В реке появилась яма глубиной ему по грудь, и папа с друзьями плескался в ней целую неделю, пока яму снова песком не затянуло. Отличный, отличный чувак, жалко только, что давно вырос, а то бы с ним позажигали!

* * *

Когда мама была маленькой, однажды она сварила щи. Пришел с работы ее папа, то есть дедушка, и стала она его щами угощать. Открывает папа крышку – а там! – прихватка в супе плавает – желтая такая, из фланелевой ткани в клеточку. А еще мне говорит: «Внимательнее надо быть, внимательнее!» Но мама говорит, что чемпион по невнимательности – это я. Все-таки отпустили меня с классом в Белокуруху, но я забыла дома кошелек.

– Это просто воплощение одного из моих кошмаров, – сказала мама, – уехать в командировку без копейки денег.

Ну, уж прямо и кошмар.

* * *

Когда мама была маленькой, она любила петь в ванной, потому что в других местах петь стеснялась. Однажды соседи сказали, что эти звуки они тоже слышали. «Кто у вас там воет по вечерам? Собаку завели?» Капец.

* * *

Когда мама была маленькой, то однажды решила уйти из дома. Уж не знаю, что там у них произошло, но мама вошла в комнату к родителям и объявила, что уходит на все четыре стороны. А родители ей: «Да подожди, не торопись, хотьпельменей на дорожку поешь!» Мамапельменей поела, спать легла, а про то, что из дома уходит собралась, даже и не вспомнила. И эти люди говорят мне про силу воли, о том, что надо иметь собственное мнение и доводить начатое до конца. Ага-ага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.